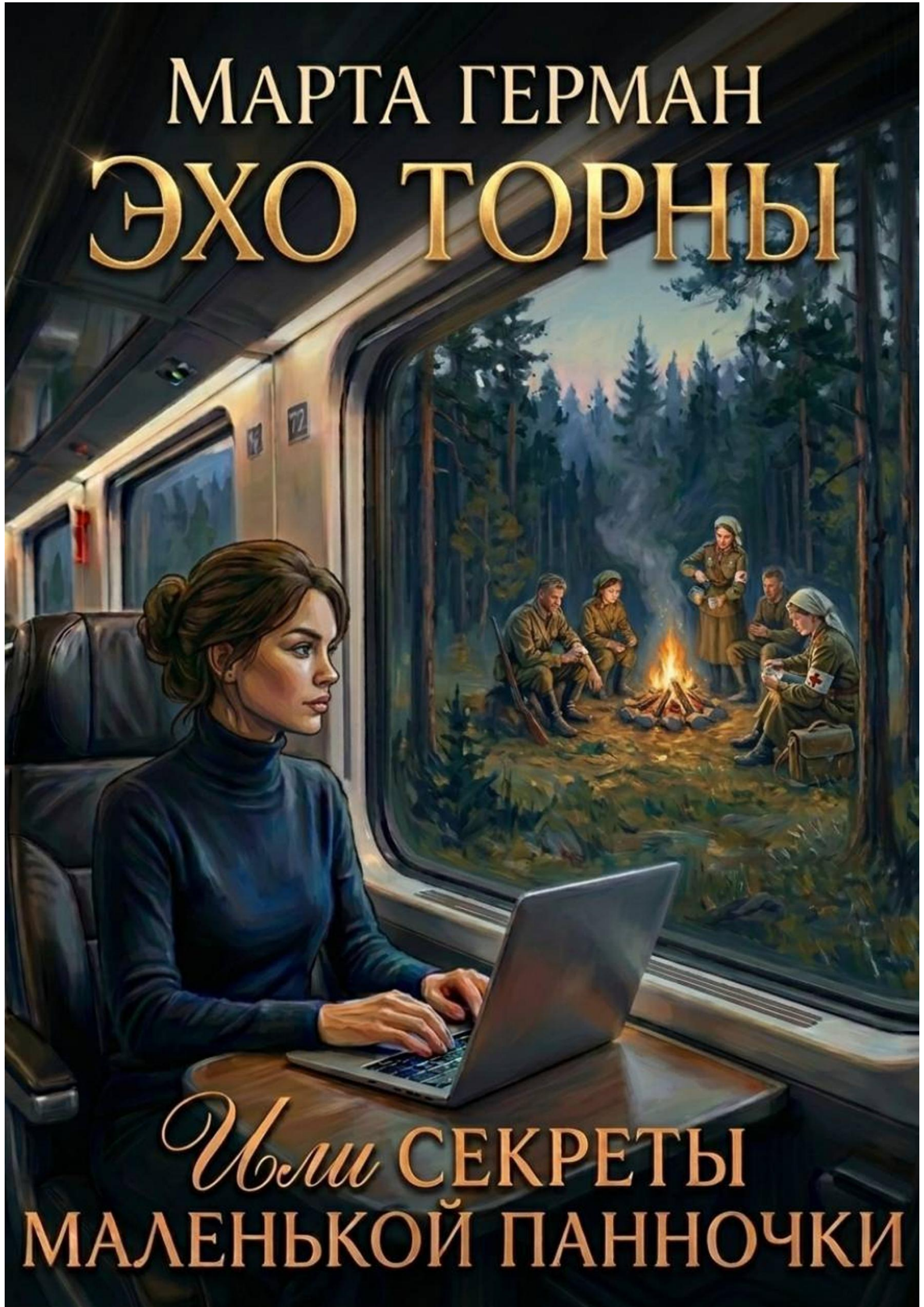

МАРТА ГЕРМАН ЭХО ТОРНЫ

Или СЕКРЕТЫ
МАЛЕНЬКОЙ ПАННОЧКИ

Марта Герман

**Эхо Торны или секреты
маленькой панночки**

«Автор»

2026

Герман М.

Эхо Торны или секреты маленькой панночки / М. Герман —
«Автор», 2026

Архивный документ, пришедший на электронную почту, в один миг переворачивает жизнь Натки. Он запускает лавину детских воспоминаний о белорусской деревне Торна, куда её отвозили на лето. Почему деревенские старожилы называли Натку «панночкой»? Какую тайну скрывала наглухо заколоченная калитка? И почему отец-лётчик упорно твердил: «Мы обычные, из рабоче-крестьянской семьи», хотя всё вокруг кричало об обратном? «Эхо Торны или секреты маленькой панночки» — это глубокая семейная сага о поиске истины. История любви русского парня из-под Брянска и белорусской девушки в суровые партизанские годы. Легенда о прабабушке из гордой польской шляхты и о ДНК-тесте, отправленном в США для поиска правды. Повесть о друге детства, который позовёт её замуж вопреки воле родителей.

© Герман М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Марта Герман

Эхо Торны или секреты маленькой панночки

Глава 1

Цепляйся, дурочка!

— Врёшь ты всё! Городская, а врать здоровая! Не умеешь ты плавать! — Витька, самый старший из деревенских мальчишек, презрительно сплюнул в траву у мостков.

Жара стояла невыносимая. Воздух буквально плавился, пахло сухой полынью, а в траве одуряюще трещали кузнечики. Местные ребята постарше собирались на озере каждый день. Я же хвостиком ходила за ними, отчаянно пытаюсь стать своей, но для них оставалась всего лишь чужой, изнеженной девчонкой из города.

— Умею! — я сжала кулаки так, что побелели костяшки. Мне было шесть лет, но отступить перед этой деревенской оравой я не собиралась. — Я в городе в настоящем бассейне плавала! Хочешь, на спор до той стороны доплыву? Прямо сейчас!

Ребята дружно загоготали. Озеро в Торне было небольшим, но обманчивым. Посреди скрывалась пугающая глубина. Старожилы говорили, что у него двойное дно, усеянное острыми затонувшими корягами. У самых мостков густой стеной стояла осока — её жёсткие, похожие на пилы листья резали кожу как бритва.

Разумеется, плавать я не умела. Правда, за месяц до этого я на спор «переплыла» огромную лужу в своём городском дворе. Испачкалась тогда как чёрт, и мама в наказание заставила меня саму стирать шорты и футболку в тазике. Но тот случай только добавил мне спеси: как же, я ведь уже умею плавать!

Но это было в городе, а здесь, в деревне у бабушки в Белоруссии, внутри меня включилось такое бешеное упрямство, что я напрочь забыла про страх. И хоть озеро всё же пугало меня, не успел никто на берегу и глазом моргнуть, как я зажмурилась и с разбегу прыгнула прямо в воду.

Я отчаянно забила руками и ногами, поднимая тучи брызг, и изо всех сил рванула вперёд. Вода мгновенно залила уши, рот, дышать стало нечем, силы таяли, а дна под ногами уже не было. Моё платье намокло и тяжёлым камнем тянуло вниз, к коварным придонным корягам. Но внутри закипала дикая, злая обида: «Всё равно докажу! Всё равно переплыву!»

На берегу смех мгновенно оборвался. Девчонки завизжали, мальчишки забегали по мосткам, поняв, что городская дурная девчонка реально тонет.

И тут вода рядом со мной шумно взорвалась. Влад — парень с удивительно синими, как васильки, глазами, который мне уже давно втайне очень нравился, — мгновенно оценил ситуацию. Он был неместный, как и я, приезжал в Торну только на лето, к своей двоюродной тётке. Мне казалось, что у нас есть что-то общее, к тому же он никогда не дразнился, как Витька.

Влад схватил огромную чёрную тракторную камеру, которая лежала на берегу, прыгнул в воду и поплыл ко мне, толкая резину перед собой.

— Цепляйся! Цепляйся, дурочка! — истошно кричал он, захлебываясь и толкая скользкий борт камеры прямо мне в руки. — Руками хватайся, кому говорю!

Я инстинктивно намертво вцепилась в спасительную чёрную резину. Влад, тяжело дыша, развернул камеру назад. Мысль о том, что меня спасает именно он, даже сквозь страх отзыва-

лась в груди робким, тёплым чувством. Но я упорно делала вид, что вполне могу сама доплыть, и вообще...

Вот только камера вместе со мной была слишком тяжёлой. Нас сносило ветром в сторону, как раз туда, где росла острая как бритва осока. Я с трудом держалась, Влад, отплёвываясь, тащил меня буксиром, но ветер не давал ему грести. Опасность приближалась...

Поняв, что нас сейчас затянет в заросли, пацаны на берегу наконец-то опомнились. Витька первый прыгнул в воду с мостков, остальные бросились за ним. Они перехватили камеру у самой кромки осоки и дружно вытащили нас на берег.

— Ты что, совсем чокнутая? — закричал на меня Витька, едва мы выбрались. — А если бы ты утонула, что бы мы сказали твоей бабушке?

Влад стоял рядом, тяжело дыша, с его мокрой, светлой чёлки ручьями стекала вода. Он смотрел на меня с укором. И тут я разозлилась. Что они там о себе возомнили?

— Я же говорила, что умею плавать, чего вы полезли меня спасать? Вас не просили вмешиваться!

Я стояла злая, чуть не плача, посреди травы, дрожа всем телом, с подола платья ручьями стекала вода. Ребята растерянно переглянулись.

— Слышь, Вить, а вдруг она сейчас опять в воду сиганёт? — буркнул кто-то из младших. — От неё же всего ждать можно.

— Нафиг надо, — Витька грозно зыркнул на меня, отжимая край своей мокрой майки. — Одну её тут оставлять нельзя. Ещё натворит чего, а нам отвечать. А ну пошли к бабе Полине, от греха подальше.

Всей этой мокрой, взбудораженной ватагой они окружили меня и решительно повели по пыльной дороге через деревню, прямо к нашему дому. Я шагала в центре этого «конвоя», гордо задрав подбородок, хотя зубы уже начали выбивать дробь. Влад шел чуть позади всех, катя рядом ту самую тракторную камеру.

Когда мы, мокрые и шумные, ввалились во двор, на крыльцо вышла бабушка Полина. Стоило её монументальной фигуре появиться, как гомонящая ватага детей мгновенно затихла. Бабушку в Торне безмерно уважали и втайне побаивались за её твёрдость характера. Баловаться нам она не давала.

— Это что ещё за парад? — её голос прозвучал тихо, но у мальчишек тут же втянулись головы в плечи.

— Она... она сама в озеро прыгнула! На спор! Чуть не утонула, мы ей камеру бросили! — начали наперебой оправдываться ребята. Влад, держа камеру, прятал взгляд и неловко ковырял босой ногой траву. Мне вдруг стало ужасно стыдно, что из-за меня ему тоже попадёт.

Бабушка строго смотрела на галдящих парней, и они тут же притихли:

— Чтобы я больше этих криков не слышала. Вы старшие? Старшие. Быстро марш по домам, а с завтрашнего дня, чтобы присматривали за ней лучше. Она ведь в гости приехала. Всё поняли?

Мальчишек как ветром сдуло. Влад уходил последним и перед самой калиткой на секунду обернулся, бросив на меня быстрый, ободряющий взгляд. Сердце у меня сладко ёкнуло.

Бабушка тяжело вздохнула, взяла меня за руку и повела в дом.

Внутри уютно пахло русской печкой, сушеными травами и печёным хлебом. На кухне сизыми волнами плавал дым от блинов. Бабушка вытерла меня насухо, укутала в тёплое одеяло, налила кружку парного молока и пододвинула огромную тарелку с блинами, которые буквально утопали в растопленном масле.

— Ешь, пловчиха, — ласково улыбнулась она и поцеловала меня в макушку, — и марш греться на печку.

Русская печь у бабушки была огромной, занимавшей чуть ли не половину дома. На её широкой со старыми мягкими одеялами лежанке можно было запросто спать в полный рост,

и для меня это место всегда было самым лучшим на свете. Я забралась на эту тёплую высоту, с удовольствием вгрызаясь в блин.

Я понимала, что беззаботная жизнь для меня теперь закрыта и на озеро смогу ходить только под строгим присмотром, но совершенно не расстраивалась. Все мои мысли были заняты Владом и его поступком. Он совершил сегодня подвиг — спас меня.

Я видела в этом вселенскую связь, смотрела в окно и гадала: заговорит ли он со мной завтра после всего, что случилось?

А за окном жила своей жизнью деревня Торна — мир, который с каждым днём манил меня всё сильнее, несмотря на свои скрытые загадки и опасности, о которых я тогда ещё не знала...

Плавный, едва слышимый толчок немецкого экспресса заставил меня моргнуть, стирая из памяти тепло бабушкиной печи, запах топлёного масла и детские думы о синеглазом Владе.

Торна растаяла. Я вернулась в реальность.

За панорамным окном поезда со свистом проносились безупречно подстриженные зелёные холмы Германии. В вагоне пахло дорогим кофе с корицей. На откидном столике передо мной лежала строгая кожаная папка — через несколько часов в Берлине у меня должна была начаться важная рабочая встреча.

Моя сегодняшняя жизнь состояла из правильных немецких глаголов, чётких бюрократических инструкций и безупречного европейского порядка.

Я опустила взгляд на экран ноутбука, где поверх рабочих отчётов была открыта всего одна пожелтевшая фотография — скан архивного документа, который недавно по моему запросу переслали мне из России. Именно она всколыхнула во мне воспоминания о моём детстве в Торне.

«Наградной лист. Лейтенант Иван Семёнович Шемякин. Отличился при подрыве 4 мостов и 8 вражеских эшелонов... разбито 28 рельсов, движение поездов врага остановлено на 119 часов...»

Я поймала своё отражение в оконном стекле: мой дедушка, русский парень из-под Брянска, партизан, взрывал мосты, рельсы и пускал под откос фашистские поезда. А его внука спустя десятилетия, находясь в самом сердце Германии, свободно говорит на языке бывших врагов деда и мчится в немецком экспрессе на работу.

Какая странная ирония судьбы! Я горько усмехнулась.

Из семейных рассказов я знала, что мой дедушка встретил мою бабушку в партизанском отряде, в глухих лесах Белоруссии. Они поженились после окончания войны и прожили вместе долгую жизнь, но мои детские воспоминания упорно твердили: во всей этой истории была какая-то тайна, которую взрослые тогда очень тщательно от меня скрывали.

Именно это ощущение таинственности не покидало меня с детства и побудило начать разыскивать свои корни.

Я прикрыла глаза, и под мерный, усыпляющий стук колёс европейского экспресса меня снова утянуло в далёкое деревенское детство, где эта тайна впервые коснулась меня своим крылом...

Глава 2

Панночка пришла

Мы стояли у старого панского дома в Торне. Никакой «усадьбы с колоннами» там не было — перед нами высился мрачный, длинный, полуразрушенный барак из потемневших от времени досок и брёвен. Он находился на самом отшибе у реки недалеко от дома, где жили мы с бабушкой.

Всё пространство вокруг давно превратилось в заброшенную мусорную кучу, куда жители деревни тайком выбрасывали свои отходы. Под ногами хрустели осколки битого шифера, валялся какой-то вековой хлам и коряги, выброшенные рекой во время паводка. Место было грязное и по-настоящему страшное.

Вокруг развалин дикой стеной разрослась крапива в человеческий рост, а из трещин в грязных брёвнах лезли густые кусты бузины. Крыша у барака наполовину провалилась, обнажив гнилые балки.

— Не ходите, пацаны, — Ленка испуганно попятилась, кусая ногти и озираясь на угрюмые стены. — Взрослые увидят — точно убьют. Бабка говорила, тут призрак живёт и проклятие страшное. Пан, когда от большевиков убегал, своё золото закопал в самом далёком углу подвала. И заветное наложил. Кто туда без спросу полезет — прямо там и умрёт. Сразу.

Мальчишки притихли. Витька, вчерашний заводила, презрительно сплюнул в сторону мусорки, но шаг вперёд сделать не решился. Да и мне стало жутко — из тёмных окон дома веяло болотной сыростью и столетним тленом.

Однако Влад, который после того случая на озере упрямо ходил со мной рядом, исполняя наказ бабушки Полины «приглядывать за городской», только хмыкнул, демонстративно перехватил поудобнее тяжёлую палку, подошел ко мне поближе, взял меня за руку и легко сжал мою ладонь. Пальцы у него были тёплыми и шершавыми.

— Не бойся, — тихо шепнул он мне. — Если что, я этому призраку палкой так вломлю. Враз пугать нас перестанет.

И тут одна из девчонок хитро прищурилась. Она повернулась ко мне, бесцеремонно потянула за рукав платья и зашептала на всю поляну:

— А с нами ничего не случится. Панночка же с здесь! Ей можно. Я от взрослых слышала, что панские сокровища только хозяевам и их родственникам открываются. Нам проклятие ничего не делает, если Натку с собой взять. Идём, Натка? Тебе ведь не слабо? Или ты трусиха городская?

Все уставились на меня. Витька насмешливо прищурился, пацаны ждали. Я стояла в своих белых городских сандалиях посреди этой дорожной грязи и битого стекла, глупо моргая. Я понятия не имела, кто такой «пан» и почему я вдруг «панночка». Но в этот момент я видела, как Влад смотрит на меня, и мне было ужасно важно доказать ему и всей этой деревенской ораве, что я не трусиха.

— Найдем сокровища, обогатимся, — продолжала Ленка. — Я на свои деньги себе куртку синюю куплю. Вчера в райцентре на одной тётке видела. Ох и красивая куртка! Ну пойдем же! - она потянула меня за рукав.

— Пошли, — буркнула я и первая шагнула через заросший крапивой порог, прямо в темноту дверного проёма.

Всей оравой мы вошли внутрь. Из разбитых окон косо падали узкие лучи солнца. В них, точно в ловушке, безумно кружились миллиарды серых пылинок, похожих на пепел. Мы напра-

вились в сторону подвала. Пробираясь мимо гнилых, трухлявых брёвен, из которых торчали ржавые, загнутые гвозди, похожие на чьи-то когти, я чуть было не порвала своё платье.

Влад шёл впереди. Наконец мы замерли у входа в подвал. Лестница давно сгнила, оставив лишь провалившиеся дубовые ступени, уходящие прямо в чёрную бездну. Оттуда, из непроглядной, сырой темноты, на нас пахнуло могильным холодом, столетней гнилью и мокрой болотной землёй. Казалось, барак затаил дыхание и просто ждал, когда мы сделаем ещё один шаг.

— Ну что, панночка, — едва слышно, прошептал Витька, косясь на меня. — Вот твой фамильный подвал. Давай, веди. Или испугалась?

— Ничего я не испугалась, — так же шёпотом ответила я, хотя сердце уже готово было выскочить из груди.

Влад крепче сжал мою руку, шагнул на первую, самую верхнюю ступеньку и обернулся ко мне:

— Иди за мной след в след. Если что — беги назад.

Затаив дыхание, мы начали медленно спускаться. Влад осторожно нащупывал ногой следующее полусгнившее бревно, я шла следом, цеплялась за его плечо, а Ленка и остальные ребята испуганной цепочкой жались сзади.

Мы успели сделать всего три шага вниз, и темнота подвала уже готова была сомкнуться над нашими головами. Как вдруг прямо там, впереди, в самой непроглядной глубине подвала, что-то глухо и страшно ухнуло.

Тяжёлый обломок бревна с треском покатился по невидимым нижним ступеням, с грохотом сшибая кирпичное крошево и камни. Звук от его падения получился такой силы, будто под землёй проснулось нечто злое и начало выбираться наружу.

Вся наша храбрость испарилась в ту же секунду. Мы с визгом рванули обратно на свет, толкая друг друга в спины и отчаянно карабкаясь вверх. Я бежала последней, а Влад замыкал наш панический отряд. Внутри всё дрожало от страха.

Ноги в сандалиях совсем не слушались, подворачивались на каких-то гнилых деревяшках и больно ударялись о битые кирпичи. Мне казалось, что из темноты подвала сейчас вытянется большая чёрная рука этого самого пана и схватит меня за край платья. Наши шаги грохотали на весь барак, и от этого звука хотелось зажать уши и зажмуриться.

От страха я совсем не видела куда мы бежим, только впереди белым ориентиром маячила футболка Витьки, который удирал быстрее всех. Я споткнулась о какую-то железку и чуть не полетела носом в пыль, но Влад схватил меня за руку и дёрнул вперёд. Он дышал громко и часто, как паровоз, но упрямо тащил меня за собой, не давая остановиться.

В горле у меня всё пересохло, сердце колотилось где-то в пятках, а девчонки впереди так истошно визжали, что этот крик подгонял меня сильнее любого пинка.

Едва выскочив на залитую солнцем поляну, мы обессиленно повалились в высокую траву рядом с домом, жадно хватая ртом воздух и испуганно оглядываясь на тёмные провалы окон. Мальчишки тяжело дышали, у Ленки от страха тряслись губы.

— Всё, шабаш, пацаны, — негромко, но твёрдо сказал Влад, утирая пот со лба. — Все по домам и никому ни слова о том, где мы были. Если взрослые узнают, что мы в панский подвал лазили, нам до самой школы улицы не видать.

— Точно, — испуганно закивал Витька, отряхивая штаны от придорожной пыли. — Баба Полина с моего отца три шкуры спустит, за то что мы Натку с собой в подвал брали, а потом мне дома всыпят.

— Клянемся, что ни одна душа об этом не узнает, — Влад строго обвёл всех взглядом. — Разбегаемся по домам поодиночке, будто и не виделись сегодня. И язык за зубами держим.

Все дружно закивали и припустили что есть мочи по домам. Я тоже перевела дух и пошла к своему дому, обдумывая сегодняшнее происшествие.

Найти сокровище хотелось до умопомрачения, но спрашивать бабушку Полину, почему деревенские ребята зовут меня панночкой, и какие сокровища зарыл в подвале местный пан, было почему-то страшно.

Я шла по пыльной дороге, пиная носком сандалии мелкие камешки. В голове никак не укладывалось, почему Ленка и остальные пацаны смотрят на меня так, будто я какая-то особенная. Кто такая эта «панночка»?

Внутри меня росло робкое, щекочущее любопытство. Мне ужасно хотелось прибежать на кухню, обнять бабушку Полину за её большой тёплый фартук и спросить: «Бабуль, а мы правда из панского рода? И почему мне должны открыться сокровища?» Но стоило мне вспомнить строгий взгляд бабушки, то, как сильно её побаиваются в Торне, и язык у меня буквально присыхал к нёбу.

Деревенские взрослые всегда как-то странно замолкали, когда бабушка проходила мимо них по улице. Я инстинктивно чувствовала: если я проболтаюсь про наш поход в подвал, она очень расстроится или рассердится, а этого мне хотелось меньше всего на свете.

Дома меня ждали, как обычно, блины с молоком — у бабушки Полины они были какого-то особенного вкуса. Потом я ходила доить корову. Доила её конечно же бабушка, а я пыталась засунуть в кормушку побольше свежей травы.

После всех этих впечатлений я и думать забыла про какого-то там пана и его сокровища. Да они и не очень-то интересовали меня, потому что больше всего на свете восхищала меня небольшая конюшня в центре деревни. Она была самая что ни на есть настоящая и притягивала меня к себе, как магнитом.

Деревенские пацаны над этой конюшней только смеялись. Витька говорил, что смотреть там не на что — стоят три старые колхозные клячи, которые целыми днями только таскают телеги с навозом, да уныло жуют сено.

Но в моем понимании они всё равно оставались самыми лучшими лошадьми на свете. Каждый раз, когда я проходила мимо, сердце начинало быстро стучать, а ладошки становились горячими. Меня тянуло туда с такой силой, будто за этими старыми деревянными дверями пряталось самое главное сокровище Торны.

До боли в сердце хотелось зайти в конюшню, подойти к ним поближе и заглянуть в их огромные, печальные глаза, полные такой глубокой тишины, словно они знали какую-то тайну.

Мне хотелось протянуть руку, коснуться их тёплых, шершавых носов и тихонько прошептать: «Не бойтесь, я никогда вас в обиду не дам».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.